

Екатерина Гринева

Искунитель, или Весь мир к моим ногам

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671615

Искунитель, или Весь мир к моим ногам: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-53426-5

Аннотация

Ольга всегда знала, что достойна самого лучшего. Девушке из провинции пришлось многим пожертвовать и очень многое пережить для того, чтобы устроить свою жизнь в негостеприимной столице. Но игра того стоила, теперь Варфоломеева – звезда телевидения, красавица ведущая, появления которой в эфире с нетерпением ждет вся многомиллионная мужская аудитория. Но внезапно жизнь преуспевающей теледивы начинает рушиться, в руки журналистки попадает скандальный компромат на видного бизнесмена и мецената. Именно из-за этой кассеты погибает сначала муж Ольги, потом молодой любовник, дочь берут в заложники и ей самой угрожают расправой, если она не пойдет на компромисс с преступниками. На помощь приходит бывший одноклассник, самый верный поклонник, до сих пор влюбленный в нее Виктор. Он уж точно никогда не предаст и не бросит телезвезду, их дружба и первая любовь проверена годами и расстояниями... Но так ли это на самом деле?..

Екатерина Гринева

Искуситель, или Весь мир к моим ногам

Пролог

За столом сидели двое. В уютном ресторанном зале царила тишина, сюда почти не долетали звуки шумной Москвы, и, несмотря на то что за окном уже плавился июнь, здесь было прохладно и как-то сумрачно.

Бизнес-ланч был уже позади, и на столе стоял ароматный кофе в маленьких белых чашечках.

Один из сидевших за столом поджал губы и подался вперед, сложив руки домиком.

– Ты уверен в этом?

Его собеседник минуту-другую разглядывал его, словно видел впервые, и наконец бросил:

– Да. На сто процентов.

– Ну тогда... – Он взял чашку, сделал один глоток. – Я думаю: медлить не стоит.

– Конечно. Поджимает время. До осени это все надо проверить: чем скорее – тем лучше. Это будет хорошая новость. Для нас.

– Да.

– Нужно найти его. Обязательно, а потом будем действовать по обстановке.

– Пусть покопается в этом дерьме. От такого отмажешься не сразу – если вообще отмажешься! Во всяком случае, на его карьере будет поставлен жирный крест, что нам и требуется. Не так ли?

– Да!

Первый мужчина посмотрел на своего собеседника.

– Ты уверен, что у нас все получится?

– Конечно, обязательно получится. У меня все рассчитано и спланировано – не может не получиться.

– Тогда за наш успех! За удачу! – Мужчина поднял чашку как бокал с вином и залпом осушил ее.

* * *

На кассету я наткнулась сразу, как только открыла ящик своего стола. Я всегда была привержена определенному порядку: все рабочие материалы у меня лежали в первом и втором ящиках стола. В третьем у меня были старые записные книжки, новые блокноты и всякие канцелярские мелочи.

Эта видеокассета лежала в первом ящике. Поверх нее – клочок бумаги с наспех нацарапанными словами: *Ольге Варфоломеевой*. Кто-то оставил для меня этот материал.

Но почему не написали – от кого?

Я нахмурилась.

Иногда я устраивала своим журналистам и репортерам капитальную головомойку. Малейших провинностей я не прощала, потому что в журналистике мелочей не бывает. Ничего, я устрою этому раздолбаю по полной, решила я.

В комнату заглянула моя помощница Леночка Штанько – миниатюрная блондинка с ресницами невероятной длины.

– Лен! Ты не знаешь: кто это оставил? – повертела я кассету в руках.

– Нет. А что это? Неопознанный материал?

– Угу. Оставленный неизвестным героем.

– Объявится. Ольга Александровна, Анжела из приемной Диденко звонила. Он просит вас зайти к нему.

Я хмыкнула. Старый хрыч Диденко любил строить из себя крутого босса. И звонил мне не напрямую, а посылал своего секретаря, или секретарь звонил моей помощнице. Таким образом Диденко демонстрировал субординацию. Мне все эти игры бывшего партийного работника были глубоко противны, но если тому хочется попыжиться, то пусть...

Визит к Диденко обычно был пустой тратой времени. Все разговоры сводились либо к лекции на тему: «Развитие современного телевидения» или как улучшить программу «Отражения». Учítывая, что Диденко страдал излишним пустословием, слушать все это было утомительно. А оборвать нельзя. Не так поймет. И вообще, это всего лишь правила телевизионной кухни, где все строго регламентировано и прописано. И по-другому никак нельзя.

Я слушала и кивала головой, вставляя краткие реплики. Я прекрасно понимала, что на хорошем счету у *высшего* телена начальства, реальных владельцев акций телеканала и спонсоров студии, которая производила мою передачу. А этот мелкий удельный князек просто демонстрировал феодальную дурь и оправдывал просиживание штанов. К убогим и сирым нужно быть снисходительной, думала я в такие моменты.

– Слушай! – И я посмотрела на Леночку. – Скажи, что я уже уехала. Ладно?

Пробки в Москве были всегда. И зимой, когда гололедные дороги превращаются в сущий ад для водителей, и весной, когда разливаются огромные лужи и вода пополам с грязью так и брызжет из-под колес, обливая прохожих и проезжающие мимо машины. Не лучше дело обстоит и осенью, когда все, вернувшись после летнего отдыха, спешат наверстать упущенное и поскорее врубиться в работу. В это время все становятся жутко деловыми и агрессивными. Никто не хочет никому уступать, ругань между водителями превращается в норму, и хочется плюнуть на тачку и пересесть на метро. Но тот, кто уже отравлен автомобильной лихорадкой, навряд ли променяет свою машину на тесноту и давку в метро, и поэтому, кляня все на свете, едет по московским улицам и перекресткам, раздраженно сигналивая другим водителям.

Но особенно пробки невыносимы летом. Раскаленный воздух делает простаивание на месте настоящей пыткой; кажется, что движение остановилось навечно и никто никогда не рванет вперед, а будет обреченно плестись в хвосте таких же бедолаг-водителей.

Я стояла в пробке между джипом, подававшим сигналы, и «Москвичом», чей владелец с кем-то оживленно болтал по мобильнику. Сколько мне здесь торчать? Уже девять часов! Интересно, Дмитрий приехал с работы или еще сидит на каком-нибудь совещании?

Я набрала его номер.

– Алло! Ты на работе?

– Да.

На заднем фоне раздавались чьи-то голоса.

– Когда приедешь домой?

– Пока не знаю. Может, часов в одиннадцать. Или раньше.

Возникла пауза.

– У тебя все нормально?

– Вполне. Пока.

– Пока.

Витрины переливались огнями. Москва стала европейским городом: светским, шумным. Кафе уже больше, чем пешеходов на улице. Модные бутики заманивают покупателей

бесстрастными манекенами, одетыми в лучшие бренды мира, и вообще – Москва уже ничуть не напоминает тот город, каким она была еще пару десятилетий назад.

Вот только со стилем еще было плоховато. Среди «гостей столицы», одетых кое-как, стильно одетого москвича не сразу и заметишь. Я вспомнила, как, впервые попав в Париж, была поражена именно необыкновенной стильностью парижан. Это стиль, который не бросался в глаза, но от этого был еще более безупречен. Какой-нибудь шарфик или большие серьги, задавшие тон всему наряду, – все это культура, воспитанная в течение многих и многих лет. А парижские краски... приглушенные, нежные...

От размышлений меня отвлек нетерпеливый сигнал сзади. Я тронула рычаг зажигания и рванула вперед.

Открыв дверь ключом, я поняла, что дома Дашка. Она обычно сваливала одежду в угол, и яркая горка сразу бросалась в глаза.

Я взяла в руки розово-зеленую кофту и повесила на вешалку.

– Даш! – крикнула я. В ответ – ни звука. Наверное, слушает музыку в своей комнате или спит.

Дашка стала как порох – лучше не подходить. Нахамит или промолчит, отведя взгляд в сторону. Что с ней творится? Я пыталась поговорить с падчерицей, но это оказалось бесполезно. Дмитрий же делал вид, что проблемы не существует. К тому же в последнее время у него возникли серьезные проблемы в бизнесе, но со мной он этими проблемами не делился, и только по обрывкам и раздраженным замечаниям я могла ставить диагноз: дела идут хреново.

Я подумала, что мы с Дмитрием совершенно по-разному смотрим на жизнь. А может быть, смотрели всегда, только по молодости это замечалось меньше. Мы оба напряженно и много работали. Каждый делал карьеру. Я – на телевидении, Дмитрий – в бизнесе. Растили детей, занимались домом... И ночевали мы в последнее время чаще в разных комнатах. Я – в своей, Дмитрий – в кабинете.

Квартира была большой, двухуровневой. В хорошем районе. Дмитрий сотрудничал с компанией, которая построила этот дом, и на выбор ему было предложено несколько квартир, да еще со скидкой.

И вот теперь мы живем в просторной квартире с евроремонтом, но семья распадается на глазах. А как же было в семье дружно, тепло, когда мы жили в двухкомнатной и натыкались по утрам и вечерам друг на друга. И переругивались, когда в ванную по утрам скапливалась очередь, толкались в коридоре, собираясь кто в школу, кто на работу...

Я тряхнула волосами, прогоняя ненужные воспоминания. Мне на руку, что дома одна Дашка. Я сейчас поужинаю и пойду к себе наверх. Посмотрю эту видеокассету – спокойно, без помех.

Пройдя на кухню, я включила свет. Кухня была поделена большим столом-стойкой на две части. Отделанная в серебристо-синих тонах, она была почти полностью скопирована с какой-то картинки в американском журнале по дизайну: просто, функционально, удобно.

Сразу было видно, что это кухня работающих людей и домохозяйки в доме нет. Никаких лишних предметов – сувениров, трогательных занавесок в цветочек или желто-оранжевых тонов, которые режут глаз.

Я открыла холодильник и достала оттуда питьевой йогурт. Обычно это был мой ужин. Ну еще чай без сахара с кружком лимона.

Поужинав, я поднялась наверх по витой лестнице. В комнате Дашки было темно – наверное, она спала. Я решила не беспокоить Дашку и прошла к себе. Моя комната была самой маленькой – шестнадцать метров. Но мне больше и не надо. Светлый диван, шкаф-купе, круглый стол, несколько полок с книгами. Единственной роскошью в комнате было большое овальное зеркало с туалетным столиком, купленные в магазине итальян-

ской мебели. Столик был сплошь заставлен косметикой. Я обожала парфюмерные новинки, крема, разные оттенки помад и теней. В конце концов, говорила я себе, мой внешний вид – визитная карточка телеканала. И я всегда должна быть на высоте.

Я переоделась в домашнюю одежду и заколола волосы.

Подошла к ноутбуку, но предварительно аккуратно закрыла дверь на замок.

...Изображение было чуть смазанным, как будто снимали любительской камерой. И первые кадры привели меня в шоковое состояние. Возник большой бассейн, где взрослый мужчина резвился с мальчиками. Камера показала его лицо крупным планом. Это был олигарх Андрей Захаров, и я прижала руку к губам. Он плескался вместе с мальчишками в бассейне, обнимал их и поглаживал по плечам. И все время весело смеялся...

Фильм длился не очень долго – минут двадцать. Напоследок камера сфокусировалась на листе бумаги, на котором от руки было написано: «В фильме снимались воспитанники интерната № ** Тульской области. Материал должен заинтересовать вас по причинам личного характера...»

Кассета остановилась. Захотелось закурить. Дома я старалась этого не делать, но желание было почти невыносимым. Я достала сигареты из сумки, подошла к форточке и открыла ее. Закурила.

Теперь стало ясно, что кассета попала ко мне не случайно. Ее подложили специально. Но *кто* и *зачем*?

И что значат слова *причины личного характера*...

Я задержала вздох, а потом резко выдохнула. Я – журналистка, телеведущая, значит, это как-то связано с моей работой.

Я даже не замечала, что пепел сыплется на дорогой паркет. Я спохватилась, сняла с полки раковину-сувенир и стряхнула пепел в нее.

Захаров! В последнее время я только и занималась разборками с ним. Все началось с репортажа об особняке, в который въехал его фонд благотворительности. Я сделала репортаж об этом, и пошло-поехало. Меня обвинили в некомпетентности и предвзятости. Захаров пошел ва-банк. Он не собирался ни отступить, ни сворачивать в сторону. Такое впечатление, что он хотел меня добить морально и физически. Так недавно в одной из центральных газет я прочитала краткий обзор теленедели, в котором я и моя программа «Отражения» характеризовались «как вчерашний день тележурналистики». В Интернете тоже время от времени появлялись отзывы, где меня громили по полной. За всем этим угадывалась рука Захарова. Я посягнула на него самого и его собственность. И пощады ждать не приходилось. Я часто думала, что только убойный компромат может заткнуть рот этому олигарху. У Захарова, как и у всякого крупного бизнесмена, есть враги, которые решили воспользоваться ситуацией и добить его окончательно. А сноска на детский интернат... И тут меня осенило. Фонд Захарова занимается спонсорством и благотворительностью, вполне возможно, что он спонсирует и этот интернат. Нужно только узнать это поточнее.

Я просмотрела еще раз видеокассету и убрала ее в сейф.

* * *

Это будет бомба!

Это будет настоящая сенсация!

Я лежала на смятых, сбившихся простынях и смотрела в потолок. Рядом лежал Артем: он повернулся ко мне и, приподнявшись на локте, спросил:

– Ты чего улыбаешься?

– Просто так.

– Просто так ничего не бывает.

Я посмотрела на него.

Светлые волосы прилипли ко лбу: в глазах было обиженное выражение, как у ребенка, а рот чуть приоткрыт.

– Много будешь знать – скоро состаришься!

– Давно ты стала такой мудрой? – процедил он.

– Всю жизнь. Я родилась такой, – сказала я, и это было почти правдой.

С тех пор как умерла моя мать, а отец привел в дом мачеху, моя жизнь стала похожей на классическую сказку о Золушке. Вот только о принце я не мечтала и не ждала его появления; я слишком рано поняла одну горькую, но верную истину: «Если ты хочешь, чтобы мир пал к твоим ногам, – надо сначала ползать в ногах у мира».

Я отправилась из нашего маленького городка покорять столицу. Сука Ада, вторая жена моего отца, которая сделала мою жизнь в родном доме невыносимой, с тех пор как поселилась в нем со своим сыном Ромкой, кричала мне при отъезде: «Сдохнешь ведь там, куда едешь, шалава!»

И по этому иступленному воплю я поняла, как же она хочет исполнения этих слов, чтобы я действительно *сдохла*. И словно в опровержение ее слов я поклялась выбиться наверх. На самый верх. Чего бы это ни стоило. Мой отец умер за два месяца до окончания школы, и в родном городе меня уже ничто не держало. Я прихватила драгоценности матери и бабушки – их было немного, но не оставлять же Аде! Я собиралась продать их в Москве и жить на эти деньги на первых порах.

Но начала я погано. Как всякая провинциальная девчонка, вздумала поступать в театральный. Что за мечта всех неоперившихся глупышек – театральный! Была бы немного поумней – штурмовала бы Плешку или «управления». Там, правда, без блата не обойтись, ну, на худой конец, начала бы с какого-нибудь финансового техникума, а затем пошла бы повыше. Так нет, втемяшилось в башку – театральный. Может быть, сладко грела мысль – я на обложке журнала, а Ада давится криком, глядя на меня... Наверное. Теперь уже и не разберешь...

Все происходило по законам классического жанра. В Щуку я не поступила. И пошла работать продавщицей в магазин обуви. Но решила завязать знакомство с теми, кто сидит в жюри. Это и сыграло роковую роль. На каждого театрального или кинодеятеля приходится как минимум десять шелупони. Вот на такую шелупонь я и налетела. Познакомилась в Щуке – вижу, мужчина молодой, но уже солидный. Я пожаловалась ему на то, что срезалась... Он задумался и обещал мне помочь. Мне бы ноги уносить в тот момент, а я... Но судить себя тогдашнюю – дело неблагодарное! Он сказал, что составит протекцию на следующий год и даст мне несколько уроков сценического мастерства.

Господи! И где были мои глаза!

И он может бесплатно дать мне уроки...

Даже вспоминать об этом тошно. Дурочка я, поехала! Все было разыграно как по нотам. Отдельная однушка в хорошем районе, как впоследствии выяснилось – квартира приятеля, сервированный стол, непременно шампанское, конфеты, душевный тон: «Я тебя понимаю, как никто другой», «Ты молодая, красивая и талантливая», «Твое место в театре и в кино», «Я тебе помогу – вот увидишь!» И прочая лабуда, которую вешают на уши молодым и неопытным.

Я и размякла. Все произошло очень быстро и по-деловому. Через два часа он меня уже провожал до метро.

Я снимала койко-место у трех вокзалов, но заикнуться о том, чтобы Алексей снял мне жилье, я даже не посмела. Было еще три свидания, потом он сказал, что у него намечается

длительная командировка, но к началу следующего года он приедет обязательно и поможет мне поступить.

Нужно ли говорить, что больше я его никогда не видела? Я думаю, это был случайный человек, зашедший по своим делам в театральное училище. Может быть, критик, чей-то родственник или знакомый.

А еще через месяц я поняла, что беременна. Дальше вспоминать уже совсем не хотелось. Я старательно блокировала все воспоминания последующего года, как будто его и не было... Хотя это было очень трудно!

И с работой был полный провал. Какое там театральное! Продавщица обуви, торговка на рынке, продавщица в магазине канцтоваров... Но мечта о театральном жила! Пока я не увидела объявления о работе в бюро пропусков на телевидении. Здесь у меня что-то щелкнуло, и я пошла работать туда. Дальше все завертелось. Я познакомилась с начальником отдела новостей на втором канале и стала его любовницей. У меня в этот раз не было никаких чувств – только голый расчет. Так мне хотелось на телевидении пробиться и нос Аде утереть. Чтобы она убедилась собственными глазами: я *не сдохла*! Мой тогдашний любовничек Аристарх Николаевич пристроил меня в службу новостей, и я пахала как каторжная, добывая репортажи для программы «Новости – москвичам». Через год я пошла на повышение – работала в информационно-развлекательной программе «Минуты и минутки». К тому времени я взяла фамилию моей бабки по материнской линии, донской казачки, и стала *Ольгой Варфоломеевой*. Затем создала собственную авторскую программу «Прайм-полдень». Так все и пошло...

Личную жизнь я старалась по возможности контролировать: *ничего личного и лишнего*. Романы заводила только полезные, необременительные. Пока десять лет назад не встретила Дмитрия Семухина, вдовца, предпринимателя, занятого в строительном бизнесе. Дмитрий ухаживал красиво, с размахом: дорогие рестораны, роскошные подарки. А я, глядя на него, внезапно захотела замуж – он был симпатичным, основательным, надежным. Я еще не знала, что он – педант, сухарь, без намека на чувство юмора. И себя, и свою жизнь Дмитрий воспринимал слишком серьезно. Но тогда я этого еще не знала. Или он в первое время умело маскировался?

Через три месяца после знакомства мы поженились. Вместе с Дмитрием мне досталась его дочь Дашка – очаровательное существо, упрямое и настырное. Отношения с ней у меня наладились не сразу, но я постепенно завоевала ее сердце, она стала называть меня мамой. Вот только собственные дети у нас не получались. Видно, Бог не дал!

И я с еще большим рвением ушла в карьеру.

Профессия требовала от меня не просто полной отдачи. А абсолютного растворения. Главное: точное попадание. Я часто думала, что профессия журналиста сродни профессии киллера. Здесь тоже важно нащупать некий нерв и выстрелить. В упор. Без этого ничего не получится.

Я была не просто ведущей. Передача «Отражения» была моим детищем. Я сама предложила эту концепцию. Два-три актуальных репортажа. И комментарий приглашенного гостя. Это мог быть один человек или несколько. В зависимости от масштаба обсуждаемой проблемы. Темы я выбирала самые разные. Это могла быть экономическая актуалка вроде галопирующей инфляции. Или повышение цен на жилищно-коммунальные услуги. Или политическая злободневка – вступление России в ВТО, а иногда просто бытовые репортажи, в которых отражалась жизнь большого мегаполиса.

А теперь я входила в тройку лучших ведущих страны, и мое лицо знали все. Я дорожила тем, что имела, – своим домом, мужем, Дашкой и, конечно, своей работой. Я была умной женщиной, настолько умной, что прекрасно понимала: если с мужем есть сексуальные проблемы – это не повод для развода, это причина найти хорошего любовника.

Им стал мой коллега Артем Красиков – настоящий мачо, комментатор спортивной программы «Нокаут». Артем сам был бывшим спортсменом, но, получив травму бедра, оставил спорт и решил связать свою дальнейшую карьеру с телевидением. И он не промахнулся. Внешность у Артема была сногшибательная. Высокий блондин с голубыми глазами – он сразу стал кумиром юных барышень, затюканных домохозяек и дам бальзаковского возраста. В стране, где, по статистике, на десять девочек приходится девять ребят, а сейчас и того меньше, мало-мальски привлекательный мужчина, не наркоман и не уголовник, всегда будет пользоваться популярностью. Нужно ли говорить, что рейтинг программы был довольно высоким и программу переставили в хорошее время. Она шла с пяти до половины шестого. Но я знала, что Артем лелеял далеко идущие планы: ему хотелось вести собственное ток-шоу или новости. И он неоднократно говорил мне об этом. Однако я молчала, потому что чувствовала, что он ищет моей поддержки или одобрения. Или будет просить, чтобы я замолвила о нем словечко перед начальством. По вполне понятным причинам я этого делать не хотела. Во-первых, как ни крути – наживать себе лишнего конкурента не с руки умной женщине, какой я себя считала. Во-вторых, с просьбами к начальству всегда нужно быть очень аккуратной. Если я попрошу за Артема, то в следующий раз я уже не смогу попросить за себя. Поэтому, пока он не обратился с прямой просьбой, я делала вид, что не понимаю его намеков.

Мы встречались с Артемом один-два раза в неделю в его квартире: ему льстило, что сама Ольга Варфоломеева обратила на него внимание, ну а мне был нужен хороший любовник, а Артем в этом смысле выше всех похвал! Секс обычно начинался с массажа. Артем уверенно разминал мне тело своими чуткими и одновременно сильными руками, и я ощущала, как уходит, тает накопившееся напряжение. Перед сексом Артем принимал душ, и поэтому его запах был запах мыла или геля и свежести. Все было приятно и... как-то обезличенно. Артем был внимателен, предупредителен и неуютим. Он старался не выходить за рамки очерченных отношений и вел себя так, словно мы были давно знакомы и являемся лучшими друзьями. Его юмор, шутки развеивали мое плохое настроение, и я думала, что Артем – идеальный мужчина на время. Мужчина взаймы, но если пообщаться с ним подольше – взвоешь от скуки.

В нем я угадывала родственную душу – провинциального парня, который хотел выбиться в люди любой ценой, чтоб оставить позади нищету маленького города, безысходную печаль в глазах родителей и беспросветный ужас завтрашнего дня.

Говорят, что деньги не пахнут, – я была с этим категорически не согласна. Деньги всегда пахли – морским бризом и белоснежными яхтами, изысканными духами и свежими цветами в номерах пятизвездочных отелей, в которых я любила останавливаться, услужливостью официантов в дорогих ресторанах, кожаной обивкой новой импортной машины, а главное, они пахли свободой – делать что хочется, покупать что хочется и ездить туда, куда ткнула пальцем на карте.

А Артем это понимал так же хорошо, как и я.

Сейчас он смотрел на меня неотрывно, потом провел по груди и задержался на ней.

Мое тело приятно ныло каждой клеточкой своего существа. Хороший секс – это всегда подарок жизни, после которого улучшается настроение и появляется драйв.

– Ну так что? Какие секреты? – В голосе появилось едва различимое раздражение.

Мне не хотелось мучить его, и я сжалась:

– Ладно, скажу. Только свари кофе.

– Минуту.

Артем встал и направился на кухню. Я видела его спину и упругие ягодицы: сложен он был как атлет. Я закрыла глаза, улыбаясь. Эту квартиру Артем снимал: он еще не мог позволить себе покупку жилья в одном из самой дорогих городов мира, каким являлась Москва, но

и эта квартира была хороша. Однокомнатная, с евроремонтом, прекрасной бытовой и электронной техникой, в центре.

– Кофе готов, – услышала я через несколько минут.

– Отлично. – Я встала и пошла на кухню.

Артем уже сидел за столом с двумя чашками.

– Ваш. Кофе. Готов. – И он шутливо взмахнул рукой.

– Сэнкью вери мач, – поддержала я шутливый разговор. Опустившись на табуретку, я, закинув ногу на ногу, сделала первый глоток. Кофе был божественно хорош: Артем умел его заваривать и при возможности демонстрировал это умение.

– Кофе – супер, – и я провела языком по верхней губе. Я видела, что Артема раздражает любопытство, которое он тщательно скрывал под маской внешнего безразличия. Но меня было не провести: слишком хорошо я знала людей, мотивацию их поступков и желаний. Этому научила меня жизнь. Но в этом знании не было ничего хорошего, потому что видеть жизнь такой, какая она есть – без прикрас и иллюзий, – большое испытание, которое по плечу далеко не каждому.

– У меня грядет сенсация, – сказала я, отодвигая чашку с кофе в сторону.

– В самом деле? – Его брови взлетели вверх, а в глазах мелькнул сумасшедший огонек.

– Угу! – Я снова придвинула к себе чашку и отпила.

Это было набухшее тяжелое молчание, подгревавшее интерес Артема, которого я к тому же умело подразнивала.

– Очередная байка или сплетня? – небрежно спросил он.

– Байка?! Бери выше – сенсация.

– И что там?

Я сделала еще один глоток. Как говорили мой муж и коллеги – иногда я бывала ужасно вредной. Мне кажется, это бессознательная плата за те унижения, которые мне пришлось испытать в жизни. Я не верю, что человек, чего-то достигший, добр и мягок. Это – полная туфта. В лучшем случае он безразличен. В худшем – его сердце – выжженная пустыня. К какой категории можно было отнести меня – я пока не задумывалась.

– Знаешь Андрея Захарова?

Артем издал звук – нечто среднее между фырканьем и смешком.

– Естессно. Олигарх, любитель моделей... Продолжать или остановиться?

– Остановись. Так вот. Кто-то мне подкинул кассету, где он в бассейне развлекается с воспитанниками детского интерната. Чуешь?

– Какую кассету?

– Обычную. Видеокассету с этим забойно-убойным материалом. Который я собираюсь пустить в эфир.

– Ты шутишь?

– Ничуть! Как сказала – так и есть...

– Ты с Диденко советовалась?

– Конечно! Разве я могла поставить такой материал без него?

Артем по-прежнему недоверчиво смотрел на меня. До него еще эта новость не *дошла*.

– Зачем тебе это? – вырвалось у него.

– Это сенсация! Бомба! А настоящий журналист только и живет этим... И потом Захаров мне уже порядком надоел... Со своими моделями, загулами и праздниками. Пора бы и честь знать! – насмешливо сказала я. – Решил богатый дядя, что ему все позволено. В последнее время между нами из-за этого московского особняка настоящая война разгорелась! Каждый цивилизованный человек должен знать свое место, а не вести себя как распоясавшийся самодур. У Захарова просто крыша поехала от его денег и вседозволенности. Я рада, что подпорчу его облик и без того не в белых одеждах.

– Диденко согласился сразу?

– Да, – солгала я. – Он сразу понял, какая это сенсация и как взлетят рейтинги нашей программы.

На самом деле это была маленькая ложь. Диденко вообще ничего не сказал мне – только попросил пока ничего не предпринимать и о материале молчать – он сам все выяснит и скажет мне. Как я понимала, Диденко нужно было заручиться поддержкой наверху. Без санкции выше он не мог пустить этот материал в эфир. Захаров собирался не то выставить свою кандидатуру в президенты на очередных выборах, не то создать собственную партию, и, возможно, это кому-то сильно не понравилось, во всяком случае, «добро» сверху было дано и материал поставлен в эфир.

– И когда ты выложишь эту бомбу?

– Сегодня вечером! – сказала я, делая последний глоток кофе. – И ты сможешь увидеть это сам собственными глазами.

* * *

На работе я прошла мимо охранника, кивнув ему головой. Я была звездой, и у меня обычно не спрашивали пропуска, но один из новеньких охранников специально каждый раз требовал у меня документ и придирчиво осматривал его. Это раздражало, но я старалась не показывать этого, скрывая свои эмоции за сухим кивком, чтобы не поползли слухи, что я зазвездилась и стала ставить себя выше других.

Сегодня охранник был из стареньких. Он приветливо улыбнулся мне и поздоровался:

– Доброе утро, Ольга Александровна!

– Доброе утро!

В рабочей комнате меня ждали Леночка Штанько и Наталья Гаранина – мои помощницы.

– Ольга Александровна! Вас уже ждут...

– Да. Одну минуту. Сейчас.

Я посмотрела на себя в зеркало и поправила блузку, на которой была маленькая бриллиантовая брошка, сделанная в форме бутона.

– Сейчас девочки, сейчас. Где материалы?

– Вот. – Наталья Гаранина, высокая худая брюнетка с короткой стрижкой «под мальчика», протянула мне папку с бумагами.

– Я просмотрю. – Я взглянула на часы. – Время еще есть.

Я доверяла своим корреспондентам и помощникам. Тем более что темы репортажей мы согласовывали заранее. И теперь мне нужно было только посмотреть текст и отметить главную тему беседы. Приглашенным гостем сегодня был москвовед, специалист по архитектуре, кандидат наук – Масолов Александр Николаевич. Я специально подняла тему исторического наследия Москвы. Мне было так нужно, я привлекала внимание к этой проблеме и тем самым наносила еще один удар Захарову, так как разгорелась между нами война из-за незаконного захвата старинного особняка и его переделки.

– Масолов уже здесь?

– Нет. – Леночка Штанько поправила рукой длинные волосы и достала сотовый. – Позвоню еще раз.

– Да, Леночка, позвони. Будь добра. Накладок быть не должно.

Лена набрала номер.

– «Абонент недоступен». Наверное, попал в пробку, – пожала плечами Леночка. – Буду названивать.

Я просматривала подготовленный материал.

В комнату заглянул режиссер программы – Валерий Кошман. Чем-то он напоминал большого лохматого пса: с буйной шевелюрой и неряшливой бородой. Он носил растянутые свитера, обтягивающие его арбузный живот и брюки, висевшие на нем мешком.

– Уже все готово.

– Да иду.

Я показала глазами на телефон. И Леночка понимающе кивнула головой.

– Валер! Ты вчера смотрел передачу?

– Нет. А что?

– Мне показалось, что второй сюжет несколько затянут. Можно было сократить. По крайней мере, на одну треть. А то получилось... провисание.

– Согласен, – кивнул он головой. – Небольшой недочет.

Бородатый Валера Кошман работал со мной уже три года, и мы понимали друг друга с полуслова.

– В следующий раз смотри внимательней.

– Понял.

Я глянула на часы и обратилась к Леночке:

– Как Масолов?

– Не отвечает. – В голосе Леночки слышалось плохо скрываемое волнение. – Куда он подевался?

– Что происходит? – громко спросила я, ощущая закипающее раздражение. – Почему ты не связалась с ним накануне?

– Я звонила... мы договаривались... – От волнения у Леночки слова вырывались бес-
связным потоком.

– Не знаю. У меня скоро эфир, а ты ничего не подготовила.

– Проблемы? – вставил Кошман.

– Главного гостя нет до сих пор. И никакой связи с ним. Как в воду канул.

– Может, пробки? – высказал предположение Кошман. – Все на дачи на своих клячах добираются. Мое Дмитровское шоссе, например, с начала мая все забито. В любое время дня и суток. Не проедешь, не протиснешься. Блин, любители свежего воздуха.

Эти слова о пробках привели меня в жуткое раздражение.

– Не знаю. – Я снова демонстративно посмотрела на часы. – Время поджидает.

– Ладно, я пошел, – мотнул кудлатой головой Кошман. – Жду в зале.

Заглянула мрачная редактор – Маргарита Павловна.

– Оль! Там перестановки есть.

– Какие?

– Ну... то, что ты заявила. Материал с Масоловым не пойдет. Сегодня у тебя другой расклад.

– Не поняла... – Я медленно поднялась со стула.

– Я сказала, что этот материал отложен. Будет Захаров.

– Почему меня ни о чем не поставили в известность? Вы соображаете, что делаете? Диденко у себя?

Маргарита Павловна кивнула:

– Да. У него сейчас важные звонки. А потом он собирался отъехать. Или отменит все в связи с предстоящим эфиром...

Эти слова я уже не слышала. Я неслась по коридору, боясь опоздать и не застать Диденко. Мне повезло. Я ворвалась в кабинет начальника, несмотря на протесты секретарши Анжелы, высокой пышногрудной брюнетки. При моем появлении Диденко скривил губы.

– Да, Оля. Я тебя слушаю. У тебя что-то срочное?

– Можно сказать и так. – Я села в кресло и закинула ногу на ногу. – Я хочу спросить вас: почему меняют сетку программы и не ставят меня в известность?

– Я как раз и собирался это сделать.

Диденко было невозможно сбить с толку или поймать врасплох. Он был одним из тех, кто в перестройку подсутился и вовремя расстался с партбилетом, а также с партийными убеждениями. Его бросили возглавлять массмедиа, и он довольно скоро освоился с этим участком работы, помня о золотом правиле каждого карьериста: «Прогибайся под теми, кто выше тебя, и иди по трупам тех, кто ниже». Диденко с успехом делал и то и другое и поэтому прочно обосновался на одном из центральных каналов, стал его бессменным руководителем.

– Что-то еще? Ты, кажется, должна быть уже в примерной.

– Совершенно верно. Но мы с вами вчера говорили...

– О том, что говорили вчера, значения уже не имеет. С твоим архитектором уже связались, и его эфир отменили. Через пятнадцать минут у тебя программа. Будет сам Захаров. Задашь ему вопросы и про наследие, и про создание партии. Только не нападай рьяно, так, аккуратненько. А тот материал с архитектором... – Он немного помедлил, а потом после хорошо рассчитанной паузы добавил: – Пойдет в другой раз. Иди готовься. И еще... я тебя как раз собирался вызвать: пленка в эфир не пойдет.

Я была ошеломлена.

– Может быть, вставить кусочки для цитирования?

– Нет, – отрезал Диденко.

– А что я буду говорить?

Он пожевал губами и поднял на меня рыбий взгляд.

– Пусти легкий намек: «По нашим данным», «согласно информированным источникам» и все в таком духе. Поняла?

– Да. – Я встала и пригладила волосы. – До свидания.

– Всего хорошего, – буркнул он.

Вернулась я к себе уже немного поостыв. Я человек подневольный, и против руководства, увы, не попрешь и выше головы не прыгнешь. А сейчас мне нужно как следует подготовиться, чтобы не ударить перед Захаровым в грязь лицом. И здесь по позвоночнику впервые с начала всей этой истории прошел липкий холодок. А не затеяла ли я абсолютно бесперспективную бузу, к тому же чертовски опасную? Захаров не из тех людей, с кем можно безнаказанно шутить. Но мой журналистский инстинкт в данном случае взял верх, и поэтому я ввязалась в драку, не подумав. Я тряхнула волосами. «Раньше надо было думать, голубушка, – ехидно сказал кто-то внутри меня. – Раньше...»

Вошла гримерша Эвелина – с ярко накрашенными губами и платиновыми волосами, отчего она была почти копией Мэрилин Монро.

Эвелина всегда особенно чутко чувствовала мое состояние и теперь, видя, что я не в духе, осторожно кашлянула.

– Ольга Александровна!

– Да-да, Эля, приступайте...

Руки Эвелины – пахнущие детским мылом и тальком – колдовали над моим лицом.

– Говорят, сейчас сам Захаров приедет, – сказала она извиняющимся тоном. – Это так?

«Как же, как же, – со злостью подумала я. – Небожитель, царь и герой в одном лице. Бог».

– Говорят... – стиснув зубы, сказала я.

– Я его видела в двух программах – он очень фотогеничен.

Захаров предпочитал лишний раз не светиться на экране, видимо, помня присказку: «Большие деньги любят тишину». Но слухи о создании партии заставили его выйти из под-

поля, и первый комок, брошенный в его сторону, – мой репортаж. Как же он расвирепееет после этого. На секунду я зажмурилась от страха. Может, надо было дать отбой?

– И холостяк! – шелестела Эвелина. – Никогда не был женат. Правда, все время в окружении моделей.

– Был женат! – приоткрыла я один глаз. – Правда, это было очень давно. Студенческий брак. Быстро распался, и сейчас бывшая жена в Америке. Ходили слухи, что она собиралась разразиться воспоминаниями об их совместной жизни, Захаров заплатил ей энную сумму, и воспоминания так и не увидели свет.

Но это тоже было из разряда слухов...

– Я могу, Эвелина, – открыла я второй глаз, – устроить вам свидание, и испытывайте на нем на здоровье свои чары. Только учтите, что он – хам, самодур и деспот в одном лице...

– Все готово!

Я встала и посмотрела на себя в зеркало. Звезда программы «Отражения» Ольга Варфоломеева была готова к бою с тяжеловесом Захаровым.

Я вошла в зал. Посередине на небольшом возвышении были сооружены декорации комнаты, в которой размещались бежевый диван и стул с высокой спинкой, коричневый прямоугольный стол и ваза с цветами. По бокам слева и справа тянулись стеллажи с книгами и сувенирами.

Бежевый диван – для гостей. Стул – для меня. Когда продумывали интерьер для студии, я настояла на этих стеллажах и еще попросила расставить на них сувениры. Часть сувениров я притащила из дома. Мне казалось, что так интерьер будет более уютным и располагающим к беседе.

Я прошла и села на стул. Наклонилась над бумагами, внимательно просматривая их. В зале раздался нестройный гул голосов. Кошман дал сигнал оператору Тимофею Маргулису, и тот стал устанавливать камеру, которая то наезжала на меня, то отъезжала.

– Тим! – громким голосом сказал Кошман. – Сейчас картинка зала. Следуй за мной.

Оператор подошел ближе к режиссеру. Сейчас следовало настроить «группу поддержки», как назывались зрители, собравшиеся в небольшом зале. Обычно давалось рекламное объявление в конце передачи, что «желающие принять участие в программе, смогут позвонить по телефону». И дальше шли номера. За зрителей отвечала Леночка Штанько. Главный принцип был не «замыленность» лиц, а то некоторые намеревались пройти по несколько раз, возраст – людей старше шестидесяти старались не брать, и разбавленность по половому признаку. Чтобы не было бабьего царства. Леночка строго следила за этим. Желающие попасть на запись программы пока не переводились; за участие платили деньги в конце передачи. Около столика Леночки в коридоре выстраивалась очередь: каждый расписывался в получении и уносил свои кровные.

В начале программы шла заставка зала, а потом уже камера переходила к ведущей, то есть ко мне.

Кошман подошел к зрительским рядам почти вплотную.

– Добрый день! Сейчас мы будем вас снимать, поэтому приведите себя в порядок.

При этих словах дамы подтянулись и достали из сумочек маленькие зеркальца. Кто-то подводил губы помадой. Кто-то поправлял волосы.

– Так. Все нормально? – Кошман взмахнул руками, как дирижер перед оркестром. – Теперь смотрите на меня. Когда я махну рукой, смотрите в камеру. Отвлекаться, вести посторонние разговоры, смотреть вниз или по сторонам – запрещается. Понятно? Так... внимание... приготовились...

Он наклонился к Маргулису, который подошел ближе к нему. Долговязый Тима напминал вопросительный знак. Его худоба бросалась в глаза, и всем женщинам студии хоте-

лось его подкормить. Но Тима был капризным в еде. Предпочитал натуральное мясо и соленья-варенья с собственного огорода.

– Тим! – шепнул ему Кошман. – Видишь вон ту парочку? Парень и девушка в третьем ряду справа. Скользи по ним. Фактурная будет картинка. Понял?

– Да.

В каждой программе нужно было выбирать двух-трех зрителей, на которых держался визуальный ряд. Парень с девушкой, на которых указал Кошман, действительно хорошо смотрелись. Девушка, блондинка с приятным круглым лицом и большими светлыми глазами, выигрышно выглядела в кадре. Ее темно-голубая кофточка с красивым вырезом выделялась среди монотонной одежды других зрительниц. Сидевший рядом с ней парень, темно-волосый, с глубоко посаженными глазами и высоким лбом, тоже был очень фотогеничен.

– Красивая пара! – шепнул оператор режиссеру, смотря на окошко камеры.

– И я о том. – Кошман повернулся к зрителям. – Уважаемые зрители. Сейчас все внимание. Мотор!

Камера скользила по зрительским рядам, Кошман давал команды оператору, тот послушно следовал его указаниям.

Было жарко, было почему-то очень жарко. Я была в легкой блузе лимонного цвета, выгодно подчеркивавшей мои зеленые глаза и золотисто-каштановые волосы.

По моей спине текла тонкая струйка пота. Хотелось принять холодный душ. Освежиться. Захаров сидел напротив, в светло-сером костюме, с красивым загаром – такой в меру рекламный загар, – и сверкал неприлично белыми зубами, как голливудская кинозвезда.

Это был провал.

Я с самого начала взяла неверный, как я теперь понимала, тон. В своем фирменном стиле я подкалывала и жалила его, задавая остро-колкие вопросы. Обычно от моих вопросов люди сникали, сжимались, потом в зависимости от характера и темперамента приходили в себя и начинали парировать, частенько срываясь на грубость и хамство. И тем самым выставляя себя в невыгодном свете. Я же, напротив, меняла ядовитый тон на снисходительный, и чем больше злилась моя жертва, тем более добродушно-лучезарной выглядела я.

Теперь уже никто не помнил, что я сама спровоцировала своего визави; в памяти зрительской аудитории оставался разозленный человек и мягкая ведущая, которая не обращает никакого внимания на проявленную агрессивность и грубость.

Диденко называл это профессионализмом.

Коллеги – высшим пилотажем.

Но здесь все было не так.

По какому-то странному стечению обстоятельств мы поменялись ролями. Захаров взял тон доброго дядечки, который пытается вправить мозги распоясавшейся девчонки, и в ответ на мои выпады ласково-снисходительно улыбался. От чего я все больше и больше приходила в раж.

И самое ужасно – ничего не могла с собой поделать.

Вначале шел заготовленный репортаж о проблемах исторического центра Москвы и крупных городов, которые перемежались пламенными комментариями Масолова. Этот сюжет был записан заранее. Архитектор сыпал фактами и приводил примеры из опыта других стран. Подборка репортажей была интересной и злободневной. Был репортаж из Парижа, где архитектурный облик города, складывавшийся веками, сохраняет художественное единство и сейчас. Репортаж сделал корреспондент Первого канала, остроумный и элегантный Ярослав Менакер, который в длинном сером плаще бродил по парижским улицам и снимался на фоне Эйфелевой башни, памятников королям и революционерам. Были репортажи из Серпухова, в котором кремль разобрали на строительство метрополитена в тридцатые годы, и из Праги, где почти полностью сохранилась старина.

– Москва теряет свой статус города с историческим и культурным наследием. У нас сохранилось до обидного мало памятников старины. Мы плохо относимся к нашей истории и культуре, – вещал с экрана архитектор.

На этой ноте репортаж закончился.

– Да, кстати, – я улыбнулась в камеру. – Ярким примером того, что мы утрачиваем, не храним то, что имеем, является ситуация с историческим зданием на Мясницкой, где творится полный беспредел благодаря некоторым нашим деятелям. – Я взяла паузу. – Что вы можете сказать по этому поводу? – повернулась я к Захарову.

– Это, конечно, безобразие. Здание на Мясницкой является ценным памятником нашей истории и культуры. А что там творится сейчас? Вы не подскажете?

В зале рассмеялись. Я стиснула зубы.

– Вам знать лучше. Вы намеренно вывели памятник из статуса объекта культурного наследия федерального значения и затеяли там ремонт, который полностью изменит внутренний облик здания. В Англии, например, если кто-то покупает замок, то он обязуется все сохранить в полной неприкосновенности. У них работают законы, направленные на охрану культурного наследия. А у нас?

– Никаких страшных и кардинальных переделок у нас нет, – добродушно сказал Захаров. – Напротив, мы дали старому дому вторую жизнь. И можно сказать, спасли от дальнейшего разрушения.

– Значит, вы утверждаете, что с памятником архитектуры все в порядке?

– Именно так.

– Сейчас там заседает благотворительный фонд «Согласие и милосердие». Вы помогаете детским домам и интернатам?

– Конечно. Это одно из главных направлений нашей деятельности. Мы закупает необходимое оборудование, компьютеры, спортивный инвентарь и многое другое.

Я улыбнулась в камеру и сказала хорошо поставленным голосом:

– Короче говоря, вы работаете волшебником. – Затем выдержала легкую паузу. – По нашей информации, существует кассета, на которой вы записаны в бассейне вместе с воспитанниками интерната в Тульской области. Там вы выглядите... в несколько фривольном виде. Что вы можете сказать по этому поводу?

В ответ на мое заявление Захаров сказал, что запись стопроцентная фальшивка, и прибавил, что он не удивляется этому. Когда пошли слухи о создании им собственной партии, он был готов к компромату, в том числе и самому грязному. Он – в хорошей форме и готов к борьбе. Захаров шутливо поиграл бицепсами, которые рельефно проступили даже под пиджаком.

Я стиснула зубы – в этот момент хотелось ему врезать по яйцам и посмотреть на реакцию.

– А вы действительно создаете партию? – задала я вопрос, регулярно циркулировавший в политновостях.

– Цыплят по осени считают, – мгновенно откликнулся Захаров. – Поэтому о своем окончательном решении я объявлю осенью. Поживем – увидим. – И он широко улыбнулся.

– Судя по всему, создавать скандалы и прецеденты вам не впервой, – ядовито улыбнулась я. – Мы все помним скандал в лондонском отеле, когда вы пригласили двух девиц к себе в номер.

Это уже был удар ниже пояса. На мгновение в его взгляде вспыхнула ярость, но так же быстро погасла.

– Это была чисто политическая месть мэра Лондона за усилившееся влияние русских бизнесменов в столице Великобритании. Эти девушки хотели, чтобы я помог им устроиться в шоу-бизнесе, и непонятно почему из этого раздули такой скандал. Они пришли ко мне в

номер обсудить чисто деловые вопросы. Вы можете спросить, почему мы вели переговоры в приватной обстановке? Так я могу ответить: в тот вечер я очень устал и не хотел никуда выходить. Вопреки устоявшимся стереотипам, мы, бизнесмены, работаем гораздо больше, чем обычный среднестатистический человек, и, конечно, нуждаемся в отдыхе. Это некоторые СМИ чуть что раздувают скандалы и выискивают разные дебоши и вечеринки. Нашу жизнь рассматривают словно под лупой, и бывает, что неправильно поданная информация способствует созданию негативного образа. Вот что особенно обидно. Ты можешь работать и вкалывать как вол, но стоит тебе расслабиться, как мгновенно тебя поддавливает папарацци и трубит на всю страну, что ты хулиган и дебошир. – И он мило, почти смущенно улыбнулся.

От досады мне хотелось выть. Так он просто примерный пай-мальчик, которого ловят за руку, когда он случайно стреляет из рогатки в прохожих. Вот и все его невинные «шалости».

– Что касается того лондонского скандала, – продолжал Захаров, – то ответ лежит на поверхности. Кому это выгодно. Бизнес не терпит конкуренции, и в ход идут разные методы устранения противника, в том числе и откровенно нечистоплотные. Впрочем, если вы знаете, мэра Лондона вскоре сняли, он сам погряз в коррупции, и к тому же его обвинили в сексуальном домогательстве к горничной отеля на Кипре, где он остановился во время очередного отпуска. А мне были принесены извинения. Мэра Лондона давно уже нет в политической жизни, а вы задаете мне вопросы, как будто отрабатываете аванс, полученный от него.

В зале раздались смешки. Мой лоб покрылся мелкими капельками пота: ладошки тоже взмокли.

– Значит, вы утверждаете, что данная запись – фальшивка?

– Конечно. – И Захаров в очередной раз продемонстрировал великолепные зубы. – Очень жаль, что такая профессиональная ведущая и обаятельная женщина поддалась на эту провокацию.

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мои достоинства, – мы хотим разобраться в этом материале, чтобы лучше знать тех, кто определяет лицо страны.

Я смотрела на него почти с ненавистью и не могла сдерживать своих эмоций...

В ухе – через прикрепленный микрофончик – раздался вопль Диденко:

– Оля! Фильтруй базар и держи эмоции под контролем. Тебе нужна легкая пикировка, а ты сейчас ему в лицо вцепишься!..

В зале подняли руку. Камера моментально отреагировала на это. Я тоже заметила девушку, которая нахмурилась и тянула руку вверх изо всех сил.

– Сейчас мы дадим возможность высказаться нашим зрителям, – улыбнулась я Захарову. – Что они думают об этом?

– Возможность. Дадим, – отчеканил Захаров. Мне показалось, что он уже откровенно смеялся надо мной.

Леночка Штанько подошла к девушке в темно-голубой кофточке и дала ей микрофон.

– Я считаю, что это прямая клевета на деятельность фонда, который сделал немало хорошего для москвичей и других жителей нашей страны. Благотворительные программы позволили оснастить компьютерами малоимущие семьи и семьи, где есть дети-инвалиды. Фонд и лично Андрей Валентинович финансировал несколько тяжелых операций, которые буквально спасли людей от смерти... И детей, которые были больны лейкемией, раком... им требовалась операция и лечение за границей. – В руках девушки появились бумаги. – Вот, например, Денис Хохлаткин, семи лет. Цирроз печени. Нужна была срочная операция...

Я сделала знак Кошману. Тот кивнул головой. Это означало «срочно менять тему». Он дал команду Штанько, которую та приняла через миниатюрный микрофон в ухе и повернулась лицом к камере.

– Спасибо за информацию.

Камера метнулась ко мне. Я лучезарно улыбнулась.

– Добро, как говорится, нужно делать чистыми руками. Мы будем держать в курсе наших зрителей, историю с кассетой проверим, проведем собственное расследование. Оставайтесь с нами.

– Единственное, что я хочу, – это свободного, непредвзятого расследования. Если журналист никем не ангажирован – это большая редкость.

– Я ангажирована исключительно порядочностью и собственной совестью.

– Оля! – завопил Диденко. – Срочно закругляйся! Все – эфир закончен.

Откуда-то сверху раздалась музыка. Она звучала у меня в ушах похоронным маршем. Я сидела как истукан, крепко вцепившись в свои листочки. Я даже не могла заставить себя взглянуть на Захарова. Так я его ненавидела.

– Все! – услышала я голос оператора...

Я встала с прямой спиной и развернулась к выходу. Все расплывалось у меня перед глазами, искажалось, как в кривом зеркале.

Кто-то ухватил меня за локоть и прошептал в ухо:

– Андрей Валентинович хочет с вами поговорить...

– Передайте Андрею Валентиновичу, что мне не о чем с ним говорить.

Локоть мне сжали крепче. Я повернула голову. Меня цепко держал молодой человек в черном костюме, с волосами почти до плеч. Его темные глаза буквально впились в меня.

– Это личная просьба, – произнес он с нажимом.

Искушение послать его к черту было слишком велико, но я вспомнила Диденко, вспомнила о том, что я популярная ведущая и что не могу вести себя так, как хочу, что я связана контрактами, обязательствами и условностями, и поэтому, решительно вздернув подбородок, согласилась.

Молодой человек подвел меня к окну, где уже стоял, высился Захаров, который смотрел на меня, поигрывая желваками и засунув руки в карманы.

Я посмотрела на олигарха: его глаза были расширены от бешенства. Он смотрел таким взглядом, что, казалось, мог бы убить. Я невольно съезжилась. Этот испепеляющий взгляд вбирал меня всю: от кончиков туфель Кристиана Лабутена до аккуратно уложенных волос.

– Вы отдадите себе отчет в том, что вы делаете?

В горле пересохло: голос пропал, и я смогла только кивнуть головой.

– Отлично, – ледяным тоном продолжил он. – Значит, вы знаете, что распространяете фальшивку?

– Нет. Это – настоящий материал...

– Я хочу с вами поговорить... – Вокруг нас образовался полукруг; любопытствующие кидали взгляды, не забывая при этом держаться на приличном расстоянии.

– Я... занята. И не могу. – Я пришла в себя и собиралась дать Захарову отпор. – Но мы можем поговорить либо здесь, либо в нашем кафе на пятом этаже.

– Кафе? – Его рот скривился, как будто я сказала какую-то непристойность. – Сейчас мы едем в ресторан и поговорим там. Я не доверяю вашему кафе.

Он развернулся и широкими шагами пошел к лифту. Я не хотела идти; но ноги понесли меня сами собой за ним. Я шла мимо Леночки Штанько и Натальи Гараниной, которые не сводили с меня изумленных глаз. Я остановилась и попросила Леночку принести мне сумку из рабочей комнаты. Та метнулась в коридор и через минуту уже протягивала мне сумку. Наверное, я здорово была не похожа сама на себя, если мои сотрудники смотрели на меня *так*. Все было как в тумане: я вышла на улицу, где уже начинало темнеть, и нырнула в нутро белого «Мерседеса». Мы оба сели на заднее сиденье – я забилась в угол, а Захаров, наоборот,

расположился вальяжно, вытянув свои длинные ноги, закрыл глаза, как будто уже забыл о моем существовании...

Куда я еду, зачем, мелькало в голове. Надо было быть тверже и отказаться от разговора. Зачем я согласилась на эту поездку...

Небо наливалось свинцовой тяжестью, город накрывали низкие тучи. Будет дождь, равнодушно заметила я. И куда меня понесло... Я даже боялась повернуться в его сторону, боялась снова встретиться с этим испепеляющим взглядом... Впервые за много лет я подумала, что я – слабая женщина, а по ошибке считала себя сильной.

Машина остановилась. Дверцу передо мной распахнули, и я вышла. Мы оказались перед рестораном «Уолл-стрит» – я вспомнила, что, по слухам, это был любимый ресторан олигарха. Захаров вышел первым и, даже не взглянув на меня, ринулся вперед – в стеклянное великолепие ресторана.

Мы миновали два зала и остановились в третьем – маленьком, рассчитанном на пять столов; огромная люстра свешивалась с потолка; накрахмаленные скатерти в электрическом свете отливали светло-золотистым, а я стояла посередине зала как в столбняке, пока не услышала:

– Да садитесь же, или вам требуется особое приглашение!

Что-то сильно выбивало меня из колеи, и от этого я начинала злиться. Я была популярной ведущей, меня знала вся страна, но этот человек меня буквально гипнотизировал, и я не могла этому сопротивляться и забывала обо всем.

Даже о том, кто я.

На негнущихся ногах я плюхнулась на стул, крепко вцепившись в сумку.

– Сумочку можете положить на стул, или боитесь, что я у вас ее отниму... – Голос звучал с легкой насмешкой, и я, тряхнув головой, положила ее на стул рядом.

– Не боюсь, – сказала я хриплым голосом. – А потом там все равно ничего нет: ни кассеты, ни денег.

Мефистофель захохотал, демонстрируя мне великолепные зубы.

– Значит, все-таки боитесь, – сказал он с неким удовлетворением.

– Если вы собираетесь применить физическую силу – то боюсь... Я же женщина...

Он подался слегка вперед.

– Заказывайте, что хотите.

– Только кофе. Крепкий черный кофе.

Откуда-то материализовался официант, и Захаров сказал ему отрывисто и быстро:

– Один кофе и виски. Все.

Наступило молчание. Официант исчез. Я набралась храбрости.

– Вы хотели о чем-то со мной поговорить?

– Не торопите события. Но вы так мало заказали, не хотите ли поесть и расслабиться после трудового дня?

– Нет. Не хочу.

Принесли кофе и виски.

– Откуда у вас эта кассета? – спросил он сердито.

– Я не могу выдавать свои источники информации.

– Бросьте! – мотнул он головой. – Сколько вы хотите за свое молчание и за то, чтобы больше никогда не упоминать об этой пленке. Говорите! В своей программе вы скажете, что пленка – фальшивая. И все свалите на несуществующего корреспондента, который выдал якобы сенсацию, не проверив как следует источник информации, и попался на этом.

– А Диденко?

– С Диденко и другими я договарюсь. Сколько вы хотите?

– Нисколько. Это мой материал. Я – журналист и не продаюсь.

Захаров оглушительно захохотал. Я невольно сжалась. Он хохотал так, будто я отмочила шутку, достойную Мистера Бина.

– Как раз ваши братья журналисты хорошо продаются. Назовите любую сумму, и мы придем к полюбовному соглашению.

Искушение было велико: как я ни любила свою работу, где-то в глубине души я понимала, что смертельно устала, мои нервы на пределе и вообще иногда хочется все бросить к чертям собачьим; воображение услужливо рисовало виллу на берегу Средиземного моря, яхту и ласковый бриз... Дашка в Англии. У мужа снимаются проблемы с бизнесом. Я тряхнула головой, отгоняя наваждение.

– Давайте не будет торговаться. И поставим на этом точку.

– Вы понимаете, что меня подставляют. Я собираюсь создать собственную партию или блок. Может быть... – он замолчал. – Вы играете на руку моим врагам – вы это понимаете? Вас просто используют.

– Сожалею, но больше мне сказать нечего.

Он встал.

– Душно. Пойдемте на крышу, там продолжим разговор.

– Мы уже обо всем поговорили!

– Нет. Не обо всем.

Мы вышли через боковой вход и сели в стеклянный лифт. Он поехал вверх, и под нами была вся Москва: темная в предчувствии грозы и какая-то чужая.

Лифт остановился, и мы, поднявшись по нескольким ступенькам, очутились на крыше. Здесь стояли деревья в кадках и несколько столиков. Захаров выбрал самый крайний у парапета и жестом пригласил меня сесть... Вдали уже громыхало.

– Опять кофе? Или поужинаете?

– Нет. Ничего не надо. – Я стояла и не собиралась присаживаться за столик.

– Хорошо. – Он стоял напротив меня, засунув руки в карманы, и смотрел странным взглядом: как будто что-то решал про себя.

– Может, мы все-таки сумеем договориться? Это в ваших интересах.

– Послушайте! – Я уже начинала сердиться. – Я все объяснила. Я очень сожалею, но поступить по-другому не могу.

И вдруг резкий электрический разряд прочертил атмосферу. Я невольно поежилась.

– Да бросьте! Вы просто ломаетесь и набиваете себе цену. Наш разговор меня уже несколько тяготит. У меня есть и другие дела, поважнее, чем стоять тут и уговаривать вас.

– Не уговаривайте! Не надо. Не тратьте на меня ваше драгоценное время. Найдите ему лучшее применение. И вообще мне пора идти!

Теперь уже громыхнуло протяжно, неторопливо... Он подошел к самому парапету. Непонятно почему, я шагнула к нему.

– Вы мне очень все осложняете...

Теперь громыхало почти без остановок. И ему приходилось кричать, чтобы я его услышала.

– Вам, наверное, заплатили люди, которые работают против меня? Я угадал? Сначала вы напали на меня из-за этого особняка. Сдался он вам! Здание стоит целехонько. Подумайте: небольшие переделки. Я же не сношу его с лица земли! Теперь кассета...

Я посмотрела на него.

– Нет, – и качнула головой. – Вы ничего не понимаете. Мне никто ничего не платил. Это моя обычная журналистская работа.

– Так не бывает. Как-то эта кассета попала к вам. Правильно? Она не могла возникнуть ниоткуда.

Мне ни за что не хотелось признаваться, откуда взялась кассета. И вообще, хотелось поскорее закончить этот разговор.

Я вцепилась руками в волосы и случайно сдернула заколку. Они упали длинными прядями на спину. Ветер с силой взметнул их, и они опустились на лицо. Я отвела их рукой.

А ведь он может запросто спихнуть меня вниз. Столкнуть, и все дела. С него станется. И как бы в подтверждение моих слов он шагнул ко мне, и теперь расстояние, разделявшее нас, было не более метра. Еще один шаг, и он столкнет меня и не посмотрит ни на что...

Я видела его глаза. Серые. Холодные. Он смотрел на меня внимательно, изучающе, как будто перед ним было существо редкой породы – из тех, с кем он еще не сталкивался. Захаров провел рукой по волосам.

– Вы все еще упрямитесь?

– Это не упрямство. Это – позиция. – И я невольно отступила назад.

– А вы меня боитесь, – сказал он насмешливо.

– Ошибаетесь, – холодно сказала я. – И вообще...

Он ухватился за это слово.

– Что «вообще»?

– Ничего. Давайте закончим наш разговор, который все равно ни к чему не приведет.

– Вы уверены в этом?

– Да.

– Ну что ж!

Короткие электрические разряды вспарывали свинцовое небо. В воздухе пахло озоном. Я резко выдохнула. Было трудно дышать, и ощущение складывалось, словно мне сдавили грудную клетку.

Он стоял и сверлил меня глазами. Я не отводила взгляд. Учитывая, что он обвинил меня в трусости, не хотелось, чтобы Захаров думал обо мне как о слабой ничтожной женщине. Я вздернула подбородок.

– Если... вы... передумаете, – он чеканил слова, не спуская с меня тяжелого взгляда, – вот мой телефон и телефон моего помощника. Свяжитесь сразу со мной. Хорошо?

Я молчала.

– Хорошо? – повторил он с легким нажимом.

Мне хотелось поскорее избавиться от него: его присутствие давило на меня, и было ощущение, что я стою в выжженной библейской пустыне, и короткие электрические разряды только усиливали это впечатление.

– Хорошо. – Его визитка белела в пальцах маленьким клочком с темно-синими буквами – пропуск в ад или рай. Это уж как кому повезет.

Взмах руки, и он протянул визитку. Я почти выхватила ее, и наши пальцы встретились. У нас обоих были ледяные руки, подумала я. Как странно.

* * *

Если бы я знала, что все так глупо, бездарно закончится, ни за что бы не стала ввязываться в эту историю, в этот роман, ставший таким пошлым и расхожим штампом, как пальма на фоне кислотного заката или молодые люди из телевизионной рекламы, приходившие в экстаз от пакетика чипсов и бутылочки кока-колы. Но я ни о чем не думала, когда с головой окунулась в этот роман. Мне нужно было отвлечься. От всего. Я много читала о том, что секс – лучшее лекарство для женщины средних лет. Вот только никто не сказал, как принимать это лекарство: сразу, постепенно или строго дозированно. Приходилось самой определяться с этим.

На очередное свидание я приехала к Артему в жутком настроении: я без конца прокручивала мой провальный телеэфир с Захаровым, последующий разговор с ним в ресторане, натянутый тон Диденко, который вызвал меня и сказал, что эфира с московским архитектором не будет и никакого расследования с кассетой проводить тоже не надо. Эта тема закрыта, добавил он, не глядя на меня. И данный вопрос обсуждению не подлежит. Свои слова он подкрепил хлопком ладони по полированному столу.

Муж тоже меня не поддержал и даже не утешил. Мы стали чужими людьми, с грустью констатировала я. Нас развела работа. Мы слишком много времени уделяли ей и забыли о том, что мы – семья, что мы – единое целое, как говорится, «в радости и печали, горести и болезни».

Этот разлад начался не сегодня и не вчера и даже не позавчера. Он начался исподволь, незаметно, как рушится любовь во многих семьях со стажем, когда все уже приелось и нет в отношениях страсти и других чувств. Может, кого-то это устраивает. Но не меня. Когда я приходила домой вечером и мужа еще не было, я с тоской смотрела в окно и ждала его прихода. Мне так хотелось, чтобы он пришел и схватил меня в охапку, и расцеловал или поднял на руки и закружил по комнате или сказал: «Девочка моя, поехали в ресторан! Просто так. Развеемся, отвлечемся». Мы уже давно не отдыхали вместе. Все было некогда. А ведь я помнила, как мы когда-то отдыхали в Крыму – очень давно – в Ялте, поехали туда в бархатный сезон – на недельку, и это время было самым лучшим в нашей совместной жизни. Мы никого не видели, не замечали вокруг – мы смотрели только друг на друга, без конца целовались и смеялись, и хотя были уже три года женаты, но больше походили на молодоженов, чем на супругов. А это море в Ялте – сине-бирюзовое, и розоватый холодный песок, и поцелуи – бесконечно-сладкие, ненасытные, и персики, которые мы поглощали в бесконечном количестве – и даже спустя несколько месяцев стоило мне провести языком по губам, как я вспоминала их сочность и медовый вкус. Море, уходящее в бесконечность, и наши прогулки по пирсу и обратно, сцепленные руки и заговорщицкие взгляды. А однажды он отлучился на несколько минут из гостиницы, когда я еще спала, и принес мне букет ярко-красных роз. И положил на подушку. Я проснулась и, открыв глаза, увидела эти розы. И заплакала. Это было так красиво! Он присел рядом со мной и поцеловал меня в волосы. Я обхватила его руками и притянула к себе. Наши поцелуи становились все жарче и жарче... Через несколько минут он уже лежал со мной, и его руки скользили по моему телу, ставшему таким чутким и покорным. Это было чудесное утро. И от ласк, от наших объятий мои волосы разметались; я придавила несколько роз, и лепестки запутались в волосах. Он потом бережно вынимал их из волос, смеялся и говорил, что я похожа на греческую богиню.

А потом был кофе на веранде, и его смеющиеся глаза, и моя твердая уверенность, что именно с ним я хочу состариться и родить детей.

Но с детьми у нас не получилось. Хотя я люблю Дашку как свою родную дочь. Мы очень старались, но Бог не дал нам детей. Мы ходили по врачам и обследовались, нам говорили, что мы абсолютно здоровы и никаких отклонений в наших организмах нет. И мы можем родить хоть троих. Возможно, это стало причиной нашего отчуждения, или все-таки мы увлеклись работой, строили карьеру, и наша любовь не выдержала этого испытания.

Я никогда не изменяла ему по-настоящему. Так, была парочка эпизодов. А теперь Артем... но разве это измена? Каприз тела... каприз стареющей женщины, которая хочет чувствовать мужское тепло и ласку. Как давно мы не спали вместе, по-моему, уже месяца два. Он весь в работе и приходит выжатым как лимон. А я... я подходила к нему, как собачонка, в надежде, что ее погладят. Но он лишь ласково трепал меня по волосам и щеке и говорил: «Я устал, Оля! Очень устал. Давай как-нибудь в другой раз». Он не понимал или не хотел понимать, что женщина – это не робот и не машина и «другого раза» может просто не быть. Он сам толкнул меня к Артему. И на его месте мог быть любой другой мужчина

или парень... Дело не в Артеме. А в муже, во мне. Почему люди не дорожат тем, что имеют, почему не понимают, что отношения так хрупки и нестойки и поэтому надо многое давать, прощать, понимать и принимать. И жертвовать, и терпеть, и наступать себе на горло...

У меня перехватило дыхание, и на глазах выступили непрошенные слезы. Так мне было жаль себя, свои разбитые надежды, и несостоявшуюся семейную жизнь, и сознание того, что уже вряд ли что-то здесь можно склеить...

Я приехала к Артему и вдруг поняла, что мне не хочется секса и приехала я к нему просто как к приятелю. И когда Артем взял меня за руки и куснул мочку уха, я невольно отстранилась.

– Ты чего?

– Голова болит. Давай я просто посижу у тебя и поеду домой.

– Как хочешь! Может, сделать массаж?

– Не надо.

Секс между нами все-таки состоялся: какой-то тихий, как выдохшееся шампанское. Я подумала, что, наверное, наш роман подошел к логическому концу и мы больше ничего не можем дать друг другу.

Я лежала на кровати, раскинув руки. Артем уже поднялся и подошел к окну.

– Говорят, Самойлова уходит? – сказал он, полуобернувшись ко мне.

– Лена? – откликнулась я. Я поднялась, опираясь на локоть, и посмотрела на Артема. – Да, она вышла замуж и перебирается в Лондон. Завтра она устраивает вечеринку для своих в ресторане «Шангри-ла». Пати на прощание.

– Значит, это уже решено?

– Решено. Зачем ей теперь горбатиться на «ящике»? Будет разводить розы в своем садике. У мужа есть особняк, бабки, статус. Чего еще надо?

Артем присвистнул.

– Повезло бабе.

Его реплику я оставила без внимания.

– Слушай, – Артем подошел ко мне; вокруг бедер было обмотано полотенце. У него было загорелое тело, и белое полотенце подчеркивало эту нежно-ровную смуглоту. – Я хотел тебе сказать одну вещь... – На его лице появилось настороженное выражение. – Знаешь... – он почесал затылок, – я хотел тебя попросить...

И снова на лице возникла смесь напряжения и скрытого волнения.

– Да...

– Ты не могла бы за меня замолвить слово, когда будут утверждать нового ведущего?

До меня его слова дошли не сразу, а когда дошли, лицо мое пошло красными пятнами. Получается, что он собирается меня использовать!

– Ты хочешь стать ведущим?

– А что? Все данные у меня есть. А главное: фактурная внешность, – и он широко улыбнулся. – Хочется чего-то другого. Надоело быть журналистом. Пора бы подумать и о чем-то более серьезном.

Артем был еще тем карьеристом. Это было видно с первого взгляда. Парень собирался делать в жизни серьезную карьеру и добывать ее всеми возможными способами. Вот только расклад, что я должна проталкивать его наверх, меня совсем не устраивал. Я автоматически становилась стареющей дамой, пристраивающей своего молодого кобелька на выгодное место.

Я открыла рот, а потом закрыла его.

– Ну так как? – Артем присел рядом со мной и провел рукой по щеке. – Ты согласна?

– Согласна – на что? – спросила я, отводя его руку.

– Ну... помочь мне. Я думаю, особых возражений не будет. Я уже говорил с Диденко, и он вроде не против.

– Он так тебе и сказал об этом?

– Конечно, нет. Он слишком осторожен. Но и отрицательного ответа тоже не было. Он сказал, что «мысль – хорошая». И все.

Я чуть не рассмеялась. Для такого перестраховщика, каким был Диденко, эти слова ничего не значили.

– Значит, место тебе уже обеспечено? – спросила я с легкой издевкой. Но Артем издевки не расслышал, так он был поглощен собственными мыслями.

– Конечно, пока трудно говорить о чем-то определенном. Но если ты поможешь...

– Непременно, – сказала я сквозь зубы.

– Тогда беспокоиться не о чем.

Артем поправил полотенце.

– Тебе кофе приготовить?

– Йес. А потом я побегу, – сказала я, вскакивая с кровати.

Артем лениво скользнул по мне взглядом. Я невольно ощутила себя оскорбленной. Я вдруг поняла, что Красиков, заведя со мной интрижку, тоже имел в виду какие-то свои интересы, о которых я раньше не догадывалась. А вот сейчас он раскрыл свои карты.

И собирается выехать за мой счет. Но ничего...

Я быстро оделась и вышла в коридор, мысленно уже очерчивая дистанцию между собой и Красиковым. Только все надо было сделать так, чтобы он до поры до времени ни о чем не догадался.

– Что-то не так? У тебя такое выражение лица хмурое.

– Тебе показалось, – с улыбкой ответила я. Сделав пару глубоких вдохов, я взяла себя в руки. Ну ничего, я еще покажу этому сопляку.

– Выпей кофейку, и все будет о'кей.

– Не сомневаюсь, – холодно ответила я. – У меня всегда все в полном порядке.

– Ты у нас знаменитость, – хохотнул Артем.

Он пришел в веселое, почти щенячье настроение. Он уже предвкушал свой триумф. Я подумала о нем почти с жалостью, уж я-то знала: никогда нельзя ничего утверждать наперед, в самый последний момент могут всплыть разные неожиданные обстоятельства.

– Ты куда-то торопишься?

– Да. Разные дела разгрести надо. Накопились за последнее время.

– Ясно.

На лице Артема не было огорчения. А чего ему огорчаться, усмехнулась я. Он даже рад спроводить меня поскорее.

На улице я дала волю своему гневу, ощутив, как черная волна подступает к горлу. Сейчас она застит глаза. Холодная слепая ярость на этого сосунка.

Ну ничего – до мести ждать совсем недолго.

* * *

Вакантное место освободилось внезапно. Елена Самойлова, телеведущая ежедневных новостей, яркая блондинка с аппетитными пухлыми губами, на которые западала половина мужского населения страны, вышла замуж за крутого бизнесмена и уехала в Лондон. Новости шли в хорошее время, вечерний прайм-тайм, и были посвящены в основном городской тематике. Вначале шли общеполитические новости, потом – городской блок, и заканчивались новости культурной «забивкой» или интервью с «героем дня».

Новости делались специально для столичного телеканала и были неплохой стартовой площадкой для дальнейшей карьеры.

В кулуарах заволновались: кого поставят вместо Самойловой.

Ровно в половине восьмого Елена Самойлова появлялась на экране: с длинными прямыми волосами, распущенными по плечам. Ее голубые глаза смотрели прямо в объектив камеры, и она улыбалась ласковой, чуть смущенной улыбкой, как будто лично вам.

Кто сменит ее на этом посту?

Негласно выдвинулась кандидатура Артема Красикова. Говорили, что пора разбавить «бабье царство» мужчиной. Артем идеально подходил на эту роль. Красив, хорошая дикция, умеет держаться в кадре.

Почти все были уверены, что Красиков станет новым ведущим столичных новостей. Он ходил по коридорам студии, как всегда, с высоко поднятой головой и широко улыбаясь. Но в его поведении появилось и нечто новое: какая-то снисходительность. Словно он уже шагнул на другую ступень и оставил своих коллег позади.

Совет начался в семь вечера. На нем присутствовали разные бонзы, парочка продюсеров, гендиректор столичного канала, несколько известных журналистов. Из телеведущих были только я и Макс Чалый, старый волк от ТВ, бессменный ведущий программы «Города и страны: в поисках утраченного времени».

Мы собрались на втором этаже в большой квадратной комнате за овальным столом, покрытым темно-синей скатертью. На равном расстоянии были расставлены хрустальные графины с водой и стаканы. Повестка дня была очень большой: рассматривались вопросы о финансировании канала, о создании новых программ, о закупках зарубежных лицензионных передач и ситкомов.

Вопрос о новом ведущем новостной программы шел в повестке дня последним. Стояла жуткая духота, все окна были раскрыты, вода в графинах выпита. Их снова наполнили. Всем хотелось поскорее закончить собрание и разъехаться по домам.

Когда огласили последний вопрос, все вяло переглянулись. Раздались негромкие реплики:

- Самойлова как-то уж внезапно ушла...
- Могла бы предупредить заранее...
- Программу не собираются реформировать?

Вопрос повис в воздухе.

Диденко откашлялся:

– На место Самойловой есть кандидатура Красикова Артема Александровича. Он пришел к нам недавно, но уже успел себя зарекомендовать с положительной стороны. Он – хороший репортер и может успешно заменить Самойлову.

В зале повисла тишина. Ведущий собрания – креативный директор Павел Градский – встал и скужающим тоном протянул:

- Возражения есть? У кого какие замечания или предложения?

Я подняла руку. Все сразу обернулись на меня.

- Слушаем вас, Ольга Александровна.

Медленно я поднялась со стула. На мне был ярко-синий костюм, белоснежный батник. В открытом вороте виднелась тонкая золотая цепочка с красивым сапфиром, обрамленным мелкими бриллиантами. Волосы сзади стянуты в тугий узел. Высокие шпильки. Когда я отодвигала стул, было слышно, как один из каблучков зацепился со скрежетом за ножку стула.

– У меня есть возражения по этой кандидатуре. Артем Красиков работает недавно. Это правда. Но он не получил специального журналистского образования. Хотя это не мешает Артему делать интересные и емкие репортажи, но для ведущего может стать большим минусом. Ведущий новостной программы должен хорошо ориентироваться в тексте, уметь пра-

вить его на ходу, если понадобится, быстро заменить один репортаж другим и при этом делать содержательный комментарий. Это все требует специальных навыков и умения. Я считаю, что Артему еще рано быть телеведущим, и поэтому его кандидатура, мне кажется, не подходит.

Диденко закусил губу. Его лысина блестела от пота. Он шумно выдохнул и повертел головой. Все сосредоточенно смотрели на меня.

– И что вы предлагаете? – раздался голос Градского.

– Я предлагаю рассмотреть другие варианты.

– Какие именно?

– Я предлагаю Свету Замкову. Она талантливый журналист и, я думаю, справится с поставленной задачей.

– У вас все?

– Да.

Я села и сделала пометку в своем блокноте.

– Ну что ж! – Градский обвел собравшихся глазами. – Поступило предложение рассмотреть кандидатуру Светланы Замковой в качестве ведущей новостей. Ставим вопрос на голосование?

Десятью голосами против двух возражавших и одного воздержавшегося кандидатура Замковой была принята.

Наутро все только и говорили об этом. Артема откровенно жалели. На него действительно было страшно смотреть: лицо осунулось, и он напоминал сову в период линьки. Одни глаза и остались. Растерянные, печальные. *За что со мной так?*

Я чувствовала, что мои помощницы Леночка и Наталья Гаранина меня негласно осуждают. Еще бы! Артем был любимчиком всех женщин нашего канала. Но я ощущала спокойствие и удовлетворение. Никому я не позволяла себя использовать или вытирать об меня ноги. Я всего добилась сама, пройдя трудный путь, и привыкла уважать себя. Чего требовала и от других.

Сегодня вечером был удачный эфир. Моим собеседником был глава крупного охотничьего хозяйства на Дальнем Востоке; собеседник был остроумный, на неудобные вопросы старался отвечать максимально прямо, не сглаживая острые углы, что не могло не подкупать.

Досада от эфира с Захаровым постепенно сглаживалась. Я старалась об этом не думать, чтобы не саднило и не болело...

– Девочки! – обратилась я к помощницам, желая задобрить. – Может, чайку попьем. У меня коробка конфет шоколадных есть.

– Ой, Ольга Александровна! – раздался голосок Штанько. – Тут о вас в Интернете пишут. Что Захаров вас положил на обе лопатки, вы все время срывались и как телеведущая провели самую плохую передачу в своей карьере.

Я стиснула зубы. В эти дни я старалась в Интернет не заглядывать. Захаров объявил мне настоящую войну, и множество разных статей, статей и комментариев заполнили Яндекс.

Краем глаза я видела, что Гаранина делает знаки Штанько.

– Я что-то не то сказала? – произнесла виноватым голосом Леночка.

– Ну, мы люди битые и ко всему привыкшие. Проглотим и это.

– Да вы не расстраивайтесь из-за этого, – нерешительно сказала Гаранина. Она не знала, как яотреагирую на ее попытки меня утешить.

Я всегда держала с девочками дистанцию. Не из-за того, что я была такая высокомерная стерва. Просто жизнь научила – дистанция зачастую самый разумный способ общения с людьми. Тем более с подчиненными.

– Ничего, Наташа! Все нормально!

– Козел он! – звонко прощепетала Штанько. – Но с большими бабками и моделей меняет чуть ли не каждый день.

– Лена! – одернула я ее.

Штанько замолчала.

– Давайте чай пить! – примиряющим тоном сказала Наташа. – Сегодня двадцатое июня. Несколько дней до нашего отпуска. И... до сентября.

Двадцатое! Я наклонила голову, чтобы никто не мог видеть мое лицо. Этот день я помнила всегда! Ведь двадцатого июня решалась судьба моего сына!

Я вспомнила, как много лет назад в этот день я вышла из женской консультации, пошатываясь и скрючившись в три погибели. Только что я узнала, что буду мамой. Это в моем положении означало, как мне казалось, конец света. Я снимала в то время койку у бабули с дивным именем-отчеством – Серафима Мефодьевна, – работала продавщицей в магазине обуви и хотела на следующий год снова штурмовать Щуку. Стать матерью означало не только распрощаться с мечтой всей моей жизни, но и просто оказаться на улице без всяких перспектив и без копейки денег. Вряд ли Серафима Мефодьевна будет заниматься благотворительностью. У нее была дочь с мужем-пьяницей и двумя детьми, которая исправно выкачивала не только пенсию у Серафимы, но и мои койко-деньги.

Был июнь, и все вокруг буйно зеленело, цвело. Откуда-то тонко и нежно тянуло ароматом жасмина, я шла сквером и плакала. Потом опустилась на скамейку – мне было все равно.

Спустя какое-то время я поняла, что сижу не одна. Рядом сел мужичок лет пятидесяти в потертой куртке, кепке и серых, выдавших виды брюках.

– Что плачешь, милая? – ласково спросил он.

Непонятно почему, наверное, потому, что черные мысли душили меня и мне надо было с кем-то поделиться, я рассказала ему все и прибавила в конце, что хочу избавиться от ребенка. Его я не потяну одна. Никак. Возвращаться к себе домой я не могу, да и нет у меня дома. Никто меня там не ждет. Работы же в Москве хорошей – нет, денег – нет, комнату я снимаю...

– Ты не о том думаешь! – перебил он меня.

– Как не о том? – опешила я.

– Не о том! Ты о ребеночке думай.

Я посмотрела на него внимательно. Ярко-голубые глаза глядели на меня с сочувствием. Словно свет лился из самой глубины глаз, и я невольно прищурилась.

– Если Бог дал тебе ребенка, он даст и силы на него... знай твердо.

– Вы... священник?

– Нет, милая, – вздохнул мой собеседник, – к сожалению, нет. Но брат мой священник, и я только что от него. На Валааме был. Жена у меня два года назад умерла. Дети выросли. Сын на флоте служит, дочь в Питере живет, семья у нее – внук есть. Когда человек в мир приходит – все ему радуются. А ты думаешь: как избавиться...

– Но у меня ничего нет! Я здесь – никто! – выкрикнула я. Хорошо ему рассуждать, подумала я с неожиданной злостью – у него квартира есть, крыша над головой...

– Дело твое, конечно, и решать тебе, – мужичонка рассуждал как бы сам с собой. – Но только знай: всю жизнь проживешь с грехом несмываемым. Оно тебе надо? – спросил он ласково. – Подумай, милая. Девочка ты хорошая. Оставишь ребенка, и все у тебя как по маслу пойдет...

Я опустила голову еще ниже и зарыдала. А когда повернулась через несколько минут – скамейка была уже пуста. Мужичонка исчез, словно его и не было. После я подумала, что это был знак, посланный мне свыше, чтобы я ребенка оставила.

Спасибо мужичку этому – ангелу, объявившемуся в моей жизни в самый переломный момент. Как бы то ни было, ребенка я оставила. А потом – потеряла. И вспоминать об этом ох как мне не хотелось.

– Что с вами? – Мои девочки смотрели на меня с тревогой. – Ольга Александровна! С вами все в порядке?

– Да, конечно, – с трудом улыбнулась я. – И где чай наш?

* * *

Через несколько дней мы все ушли в отпуск. Я простилась с девчонками и заглянула к Диденко. Я хотела прощупать его насчет того материала. Но мой шеф отказался даже разговаривать на эту тему. Все ясно, со злостью подумала я, Захаров его купил с потрохами.

Расстались мы недовольные друг другом. Я не собиралась сдаваться просто так и хотела провести собственное расследование, как и обещала зрителям.

Мне нужно было поехать в интернат и попробовать поговорить с его директором – Колесовой Мариной Евгеньевной. Для большей конспирации я положила в пакет парик, чтобы никто не признал меня.

Я выехала рано. Завела будильник на шесть, а проснулась даже раньше звонка, словно внутри меня раздался свой сигнал.

Я позавтракала, стараясь не разбудить мужа. Он обычно спал чутко и просыпался от шебуршения на кухне. Но сегодня – пронесло.

Я проверила сумку, потом открыла сейф и взяла оттуда триста долларов, подумав, добавила к ним еще двести. С такими деньгами можно было попробовать разговорить нужного мне человека.

Детский интернат для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находился в Тульской области, почти на границе с Московской.

Когда я выехала за пределы МКАД, дорога стала посвободнее и можно было прибавить скорость. Слушая музыку, я повертела головой: машин было мало, и стрелка спидометра качнулась за сто.

Лихая езда всегда прибавляла настроения. Небо было пасмурным, но горизонт светлел широкой полосой.

Дождя не обещали, и это было хорошо.

До интерната я добралась за два часа.

Подъехав к высокому светло-серому забору, я остановилась и направилась к будке охранника.

Худой мужчина с повисшими усами придирчиво осмотрел мое удостоверение журналистки и спросил:

– С начальством договаривались?

– Да, – соврала я.

Он хотел спросить что-то еще, но передумал и махнул рукой:

– Проходите.

Я припарковала машину у ворот, предварительно поставив ее на сигнализацию, и ступила на территорию.

Когда-то, видимо, здесь была дворянская усадьба – большой двухэтажный дом с колоннами стоял чуть в глубине. К нему шла асфальтированная дорога, перед ним – зеленая лужайка. Рядом было современное здание, судя по всему, именно там располагался бассейн.

Я вошла в дом. Там пахло хлоркой. Как в больнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.